

УДК 165

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-5-15

**Философская онтология и рациональное обоснование:
онтологические предпосылки теоретического знания**

В. Н. Карпович

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Философская онтология представляет собой сложную для определения категорию объектов, вплоть до смешения разных уровней абстракции. В результате возможны различные интерпретации, даже парадоксальные. Современные логические теории, в отличие от традиционной логики, позволяют выявить трудности и наметить способы объяснения различных типов онтологических предпосылок теоретического знания, в том числе философских доктрин.

Ключевые слова

философская онтология, наука, теория, онтологические обязательства, абстракция, конкретизация, объективность, правила, форма и содержание

Для цитирования

Карпович В. Н. Философская онтология и рациональное обоснование: онтологические предпосылки теоретического знания // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 1. С. 5–15.
DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-5-15

**Philosophical Ontology and Rational Justification:
The Ontological Aspects of Theoretical Knowledge**

V. N. Karpovich

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Philosophical ontology is a difficult to define category of objects, right up to the mixing of different levels of abstraction. As a result, various interpretations are possible, even paradoxical ones. Modern logical the-

ories, unlike traditional logic, make it possible to identify the difficulties and outline ways to explain different types of ontological premises of theoretical knowledge, including philosophical doctrines.

Keywords

philosophical ontology, science, theory, ontological commitments, abstraction, concretization, objectivity, rules, form and content

For citation

Karpovich V. N. Philosophical Ontology and Rational Justification: On the Ontological Aspects of Theoretical Knowledge. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 1, p. 5–15. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-5-15

Философские проблемы различаются по степени ясности постановки проблем. Некоторые из них достаточно ясно сформулированы. Например, философия сознания – это проблемы соотношения сознания и материи. Трудно решаемая, но ясна постановка вопроса, и известны некоторые подходы и методы ответа на возникающие вопросы. А вот про философскую онтологию этого сказать нельзя. Дисциплина сама по себе традиционная, часть общей метафизики, но не очень ясно, чем она занимается. Один из ответов предлагается в статье Куайна «О том, что есть» [Quine, 1980]. Кажется, что понятно, на самом деле не очень, особенно людям, не знакомым с аппаратом современной логики. Вообще, стоит вопрос о том, в каком смысле употребляется слово «есть» и к каким предметам оно применяется? Есть люди, автомобили, общие признаки предметов, числа; есть улыбка любимой, общие мнения у разных людей, общие заблуждения, неправильное отношение к природе; есть способ существования мира или миров [Гудмен, 2001], есть самый быстрый и удобный способ добраться от Новосибирска до Екатеринбурга, есть надежда на успешный исход выборов в РФ, есть шансы на это, есть основания для сомнений в этом. В каком-то смысле все перечисленное есть, и может быть предметом исследования, вплоть до особенностей улыбки любимого человека. Многие так и говорят, о разнообразных онтологиях: социальная онтология, где объекты – люди, общественные институты, учреждения, государство, право; или математическая онтология, где объекты – числа, процедуры, доказательства, бесконечно малые величины; и т.п., по систематике разделов научного знания. Но вот что объединяет все эти «существующие» вещи? Ну а если вопрос перевести в негативную формулировку, то ситуация становится еще труднее: а чего не бывает на самом деле, реально не бывает?

Чтобы прояснить подобные вопросы, надо бы определиться, насколько это возможно, с предметом онтологии как дисциплины и попробовать сформулировать, в чем именно состоит трудность онтологических вопросов.

Самое общее значение слова «онтология» заключается в следующем: это дисциплина, изучающая фундаментальные составляющие мира. Когда-то это были «стихии» – вода, воздух, огонь, земля, вплоть до загадочного апейрона, беспредельного и непонятного, на что указывает отрицательная частица в начале слова. Также под онтологией можно понимать предметы, в которые люди верят по каким-то их основаниям. Бог у верующих, у химиков в прошлом флогистон, в на-

стоящем тоже довольно странные вещи с обыденной точки зрения, были также люди, которые верили в домовых, и т. п. Особенность этих примеров заключается в том, что убеждения одних людей относительно существования определенных предметов, другие люди могли и могут не разделять. И если какая-то социальная группа во что-то верит, в том числе ученые, то это не всегда является достаточным основанием для согласия и безусловного принятия другими людьми, и примеры тут можно множить: начиная от особенностей построения теорий в разных научных школах и заканчивая отрицанием теории эволюции креационистами.

Можно, наконец, говорить об онтологии как об особой теории. Это, в частности, теория так называемых «онтологических предпосылок» теоретического знания. Эти предпосылки состоят из предположений о существовании объектов, которые необходимы для создания и формулирования теории и которые эта теория изучает. Наконец, под онтологией можно иметь в виду все, что есть в мире.

Упомянутая выше работа Куайна «О том, что есть» [Quine, 1980] основана на понимании онтологии как дисциплины, связанной с наукой в современном понимании этого слова. Проблемы этой дисциплины, по мнению Куайна, скорее научные, нежели философские, а если и философские, то связаны с современным логическим учением, что тоже можно считать составной частью сциентизма Куайна. Есть то, что с точки зрения логики предполагается научными теориями существующим. А таковое определяется особой логической структурой теории, которая соответствует современной логике, где содержательные сведения (т. е. внелогические, относящиеся не к порядку изложения теории, а к тем предметам, которые она изучает) могут относиться не только к свойствам и отношениям предметов, но в первую очередь к самим предметам, которые представлены либо собственными именами, либо переменными. И вот тут-то и появляется знаменитый и не очень понятный для непосвященных критерий существования: «быть (существовать) – значит быть значением квантифицированной переменной» в логически упорядоченной, самой продвинутой научной теории, посвященной исследуемой предметной области. Онтология – это то, что предполагается такими современными теориями, причем их совокупностью, т. е. наукой в целом.

Однако это относится не только к ученым, естественникам или общественникам. Философы, как представители особой мировоззренчески значимой дисциплины, тоже рассуждают об онтологии, и по следующим причинам.

1. Можно обсуждать вопрос о том, соответствуют ли предполагаемые сущности действительному, реальному строению мира. Предметная область любых научных теорий, например, обязательно содержит математику, хотя бы арифметику, и при этом в объективном, реальном существовании чисел можно сомневаться. Также можно сомневаться в объективном бытии свойств предметов (проблема универсалий) и мыслей самих ученых, выраженных в предложениях естественного или искусственного языка (проблема идеального).

2. Философы или философски настроенные ученые могут построить формальные модели для тех объектов, которые наукой предполагаются существующими – математические теории событий, фактов и других «не объектов» в обычном смысле

ле слова, и даже придумать критерии для их индивидуации (различения и определения); но это будут числовые модели, где оба слова важны – «число» и «модель», что сразу ставит под вопрос реальное существование объектов, изучаемых с помощью таких моделей.

3. Философски значимы вопросы о разных видах композиционных объектов: соотношения части и целого, элемента и множества, отношения и его сторон, уравнений. Можно считать, что мир – это совокупность объектов (предметов), а можно утверждать что он представляет собой «совокупность фактов, не вещей», как написал Виттгенштейн во втором предложении «Логико-философского трактата», раскрывая смысл его первого предложения [Wittgenstein, 1922]. Эта же идея была развита в учении об элементарных «состояниях дел» (отдельных фактах), из которых конструируется все остальное в мире [Armstrong, 1997]. Еще экзотичнее: наша Вселенная – это совокупность возможных миров и того, что в них находится, включая свойства, не говоря уж о предметах [Lewis, 1986].

С самым распространенным и признанным подходом к онтологии Куайна тоже есть проблемы. Во-первых, явным образом употребляется модальность долженствования: вещи должны существовать, если теория истинна, и при этом само долженствование тоже представляет собой традиционную философскую проблему. Есть еще вопрос о логическом круге – ведь мы можем считать истинными как раз те теории, в которых рассматриваются объекты, с нашей точки зрения, уже существующие. И тогда принятая онтология оказывается основанием истинности теоретических положений, а не так, как у Куайна – истинность теории основанием онтологии [Yablo, 1998].

Таким образом, с онтологией в ее современном понимании есть проблемы. Попробуем представить некоторые из них в форме сталкивающихся мнений. Используем для этого некоторые традиционно обсуждаемые онтологические допущения – вопрос о бытии чисел, свойств и особых идеальных объектов – суждений, которые люди могут высказывать как свои мысли, возможно, истинные или ложные, о положении дел в мире, в частности, о фактах.

Вот проблемы чисто теоретического порядка, относящиеся к способу формулирования онтологической теории. Внимание, вопрос: насколько трудны для решения онтологические проблемы?

Ответ 1. Это очень трудные, практически неразрешимые теоретические проблемы.

Действительно, существование отдельных видов предметов доказывается трудно. Доказать существование одного мыслящего существа легко, Декарт это успешно показал, рассматривая вопрос о возможности и пределах сомнения. А как насчет Бога? Пытались доказывать часто, в том числе и сам Декарт выводил Его существование как гаранта бытия мира. Но это по косвенным свидетельствам, по следам, а не прямое доказательство. И даже знаменитое «доказательство» Ансельма Кентерберийского тоже косвенное, от противного, из допущения, что бога нет, которое якобы ведет к противоречию. Вот и доказываем, как Декарт: есть мир, в нем есть порядок и есть гарант порядка, который защищает от посягающего

на этот порядок злобного дьявола, который тоже есть, поскольку людям свойственно ошибаться из-за его проделок.

А как быть с числами? Здесь невозможно указать даже на их следы в мире, но и отсутствие следов ничего не доказывает по вопросу об их существовании. Это даже потруднее, чем вопрос о Боге.

Итак, вопрос заключается в наличии или отсутствии самых фундаментальных объектов нашего мира. Вообще-то такие вопросы относятся к умозрительным, которые опытным путем не разрешить, и вся история философии об этом свидетельствует самим существованием споров об универсалиях, об идеальных объектах и смысле вспомогательных конструкций в науке. Можно предположить, что такая ситуация возникает из-за особой сложности самих вопросов, находящихся за пределами наших познавательных возможностей и теоретического обсуждения.

Согласимся с Куайном в том, что успешные научные теории содержат предпосылки о существовании определенных объектов, и если мы их считаем истинными, то должны принять и их онтологические предпосылки. Но ведь нет самой общей и единой науки, которая предполагается холизмом Куайна, и пока трудно даже представить, как ее создать. А поэтому мы остаемся с онтологическим разнообразием до тех пор, пока эта самая наиболее общая и единая по своей предметной области научная теория не будет создана, что очень затруднительно себе представить, а если она и возможна, то не в ближайшей перспективе.

Ответ 2. Ничего особенно трудного в онтологических проблемах нет.

Существование чисел, свойств и ментальных объектов, в частности, суждений, можно доказать довольно простыми по форме умозаключениями. Достаточно начать с общепринятых посылок, чтобы убедиться в этом.

Про числа (идеальные объекты): (1) В магазин зашли три покупателя; значит, (2) число зашедших покупателей три; значит, (3) есть числа, в частности, число три. (Это рассуждение сходно с так называемым Фреге-Расселовским определением числа, которое позже было признано парадоксальным.)

Про свойства (понятия): (1) Жучка – собака; значит, (2) Жучка обладает свойством быть собакой; значит, (3) есть такое свойство, которым обладает Жучка, и это свойство быть собакой; значит, (4) существуют свойства, и в частности, свойство быть собакой. (Это парафраз известного философского примера Ленина о диалектике общего и отдельного, со ссылкой на диалектику Гегеля [Ленин, 1969].)

Про суждения (мысли о фактах): (1) Иван думает, что Жучка собака; значит, (2) есть нечто, о чем думает Иван, а именно, что Жучка собака; значит, (3) существуют мысли, и в частности, суждение (мысль) Ивана о том, что Жучка собака. (Это уже сходно с представлением отдельных простых фактов в атомарных предложениях, т. е. теорией логического атомизма, разработанной Расселом и Витгенштейном и своеобразно использованной в упомянутой выше теории Армстронга.)

Все это вместе напоминает также знаменитый диалог Платона «Гиппий большой», когда Сократ от ответов Гиппия о наличии красивых предметов (девушек,

ваз и т. п.) переходит к вопросу о существовании красоты как таковой, но при этом заканчивает диалог утверждением, что «Прекрасное трудно». Действительно, вывести общее определение красоты (или числа, свойств, идей самих по себе) из примеров отдельных объектов трудно, но утверждать их существование на основе примеров, как поступал Гиппий, вполне возможно, как мы видели в приведенном выше примере.

Получается, что ответы 1 и 2 противоречат друг другу. Возможно, что-то не так с реконструкцией, но все-таки заметим, что построена она на известных примерах из философских учений. Так что исторически противопоставление «трудно – легко» остается в силе, просто по факту существования противоположных ответов в истории философии.

Попробуем обратиться к другим аспектам онтологии, к вопросу о значимости и необходимости единой онтологической теории.

Ответ 1. Такая теория не очень уж и нужна. Онтологические вопросы вне общества философов кажутся странными и надоедливymi. Например, не многие из ученых, исследующих психофизическую проблему соотношения сознания и тела, прямо заинтересованы вопросом о том, как соотносятся свойства и объекты, ими обладающие, им достаточно предположения о связи сознания и тела. Рассел, который много писал об этом в общетеоретическом и методологическом плане, – скорее исключение, чем правило, но он и не физиолог. Можно возразить, что это действительно так, но когда речь заходит о других вопросах, многим интересно, например, какова природа государственной власти, в каких случаях допустимы аборты, есть ли жизни после смерти, есть ли Бог? Последний вопрос может кому-то показаться излишним, но для многих он весьма важен как способ объяснения и обоснования ответов на вопросы, перечисленные до него.

Так же и с математикой и числами, проблемой существования которых Рассел как раз занимался профессионально. Вообще, математикой можно заниматься, не сильно задумываясь о том, существуют ли числа и каким образом. Надо быть погруженным в теорию чисел и доказательств, чтобы об этом заговорить. Все эти онтологические рассуждения связаны с возможностью парадоксов или неясностей. Профессионалы знают, что они есть. И что кто-то о них должен думать. Но при этом можно говорить о математике или философии, не обращая специально внимания на онтологические парадоксы и проблемы, связанные с числами и теорией о них.

Вот пример такого же отношения со стороны профессиональных философов. Дэвидсон [Davidson, 1984. P. 28] полагает, что исследовать условия истины как особую семантику можно и до полного разрешения связанных с ней парадоксов. Сам Тарский высказывал мнение, что его теория истины не применима к естественным языкам, так как приведет к парадоксам. Дэвидсон по этому поводу тут же пишет, что «на это следовало бы ответить серьезно, и хотелось бы, чтобы такой ответ был», после чего объявляет программу в области философии естественного языка на основе теории Тарского, не обращая внимания на возможные при этом

парадоксы. И такая позиция наглядно характеризует распространенное отношение к онтологической проблематике.

Многие философы относятся к онтологии подобным образом. Онтологические проблемы пропускают не потому, что они легко разрешимы. Философы, рассуждают по поводу сознания без решения онтологических вопросов просто потому, что часто достаточно допустить, что какой-то онтологический статус у ментальных объектов все-таки есть. Платоники допускают существование идей, номиналисты будут пытаться сводить их, как-то редуцировать к «более понятному», и для них все будет сложнее. Но все согласны в том, что онтология – это сложно (как красота в «Гиппии большем»), и при этом оставляют сложности для специалистов в области философской онтологии. Так что об особой актуальности онтологической теории речи не идет даже среди философов.

Итак, может онтологическая теория и важна, но настолько абстрактна, что может существовать в фоновом режиме, сама по себе некоторое время, не затрагивая более насущных философских проблем науки как таковой.

Ответ 2. Философская онтология – очень нужная теория. Вот что Фодор пишет о психологии:

Главная мораль состоит в следующем. У нас нет серьезных оснований сомневаться, что многие объяснения с точки зрения здравого смысла, содержащие ссылки на мотивы в форме представлений и желаний, *буквально* истинны. И это правильно, потому что если бы такая здравомысленная *интенциональная* психология обрушилась, то это оказалось бы величайшей интеллектуальной катастрофой для нашего вида; если мы бы настолько заблуждались относительно нашего сознания, то это было бы самой большой ошибкой из тех, которые мы допускали. Отказ от сверхъестественного даже нельзя сопоставить с этим; теизм никогда не был настолько тесно связан с нашим мышлением и нашей практикой, и в особенности с практикой, как (способа) объяснения с помощью мотивов, обусловленных нашими представлениями и желаниями... Мы бы столкнулись с очень и очень большими затруднениями (курсив и вставка в скобках мои. – В. К.) [Fodor, 1987. P. xii].

Это похоже на правду. И при этом надо обратить внимание, что связь интересов и представлений содержит онтологические предпосылки. Буквальная истинность представлений о мире предполагает существование суждений. Ведь из утверждения «Иван думает, что Жучка собака» легко выводится суждение, что Жучка – собака, причем как самостоятельный идеальный мыслимый объект, выраженный в предложении. Но если нет суждений как реальных сущностей, то и приписывание истинности не может быть буквальным. И это верно не только про истину, но относится почти ко всему. Бесконечность числа простых чисел предполагает, что числа есть. А если их нет, то предшествующее предложение не может быть истинным в буквальном смысле. И так вся математика, все ее разделы предполагают существование абстрактных сущностей, и при этом все науки используют, а значит, и предполагают существование математических объектов. Ну а поскольку практически все суждения предполагают существование свойств, то и все наши представления могут быть неверны, если свойств реально нет. Так что потенциально возможное открытие того, что мир не содержит чисел, свойств

и суждений, грозит многим нашим представлениям о существовании вещей в мире. Если это окажется правдой, уйдет не только проблема соотношения наших представлений о реальности и практических интересов, но вся математика и наука, и даже обыденные рассуждения.

Не все сказанное выше буквально верно, многое высказано предположительно. Будем надеяться, что онтологические вопросы в их диалектической связи действительно одновременно и сложны, и просты, и важны, и не важны. Но все сказанное, по крайней мере отчасти, верно, в том плане, что образные и буквальные характеристики объективности наших представлений могут различаться. Вопросы с объективностью знаний трудны, но имеют при этом и простые ответы. И онтологические. Онтологическая теория важна, но в завершенном виде пока вряд ли возможна, но зато для решения многих конкретных научных проблем она может и не потребоваться. Нужно определиться, как разрешить такую конфликтную ситуацию теоретическим образом, основываясь на доступных философских теориях, не ограничиваясь предложением считать сумму онтологических предпосылок всех наличных теорий достаточной онтологической доктриной, как это происходит у Куайна. Нужно как-то соединить онтологически идеальные объекты, соответствующие формам мышления, понятиям и суждениям, и числам в их объективной данности.

Представим себе, что нет у нас ни представлений о мире, ни интересов, с ним связанных. Тогда нам не нужны и объяснения по поводу того, как они соотносятся. Поведение можно ведь объяснить нервными импульсами. Получим интеллектуальную катастрофу, хотя на практике ничего не изменится. Можно будет по-прежнему приписывать людям представления и интересы. В каких-то ситуациях мы будем осознавать, что это не совсем правильные объяснения.

Получится как с концепцией одновременности. Нужна точка отсчета, но на практике люди обходятся без ее указания. Так и с познанием. Будем продолжать связывать и соотносить наши представления, предсказывать наши мнения, объяснять и при этом считать, что приписывание убеждений, строго говоря, неверно. Некоторые из них ведь окажутся правильными, а некоторые – неверными. Но никакое не будет истинным в строгом смысле слова, когда знание и обоснование совпадают. Ведь убеждений нет, но не в том смысле, как это говорил один из героев Тургенева в повести «Рудин», при этом таки утверждая, что это его убеждение. Их нет как реальных объектов, как сущностей, данных нам объективно. Формы мышления, не объективные, а ментальные сущности, они в голове, а не в мире, способы объяснения, но успешные лишь как случайные догадки.

Мы различаем при общении верные и неверные утверждения. При этом получается вроде как слово «верный» в этом случае не буквальное, но образное, по причине физического или какого-то другого небытия идеальных объектов, например, чисел. Или, скажем, буквальную истинность утверждений по поводу положения дел или существования каких-то мыслимых объектов, в частности – Бога. Поэтому отрицание онтологии с идеальными объектами, как кажется, угрожает

учениям о формах мышления, теории чисел, теологии, и вообще нормальному общению. Но на самом деле этого не происходит, и можно объяснить, почему.

Возьмем пример. Допустим, мы обращаемся к ребенку и говорим ему: «Если ты будешь хорошо себя вести, то Дед Мороз подарит тебе в этом году много подарков. И ты ведь знаешь, что Дед Мороз ездит на оленях».

Может показаться странным, но истинность или ложность этих высказываний не так связана с онтологией, как в случае теологии или теории чисел. Даже если Деда Мороза нет, истинность не изменится. Участники диалога знают, что Деда Мороза нет, буквальная истинность здесь не требуется. Но вот что забавно: будет неправильным утверждение, что Дед Мороз ездит на верблюдах. Дело в том, что это не описание реальности, и стандарты приписывания правильности разные.

В буквальных контекстах истина объективна, и тот факт, что обсуждаемые предметы не существуют, сразу нарушает правила такого буквального общения, поскольку не соответствуют критериям оценки на правильность. При других целях и контекстах существование предметов не важно для стандартов правильности и понимания того, что мы хотим достичь. Именно это различие и надо исследовать.

В разговорах про Деда Мороза стандарты правильности были не буквальными, потому что в нем использовали распространенные вымыслы и легенды. В разговорах верующих все понимается или интерпретируется как буквально истинное, во всяком случае, как описание реальности. Когда же говорим про Деда Мороза, то знаем, что его нет, что это вымысел, и ритуал, на нем основанный, как бы «по-нарошку», для праздника. Для верующих Бог существует, стандарт другой. Поэтому онтология как дисциплина о том, что есть в буквальном смысле, реально существующем, для теологии и религии может расцениваться как критика. В примере с Дедом Морозом высказывания не связываются с реальным миром ни в его идеальном, ни в физическом представлении. Это мир игры, которую даже дети воспринимают своеобразно – как бы веря и не веря. Объективность там есть, но критерий ее интерсубъективен, так как контекст не фактуальный, а значит, и истинность трактуется не буквально.

У рассказов про Деда Мороза длинная история, и все понимают, о чем речь. В разговорах высказывания сопоставляются с миром игры, знанием контекста или просто текста. А вот про вкус пиццы так не получится, о вкусах не спорят, интерсубъективного согласования нет. Опять к Деду Морозу такой критерий не отнесется. Про оленей или верблюдов можно поспорить, но прав будет тот, кто говорит про оленей, спор легко разрешим, формально, по предъявлению текста, как в юриспруденции.

Формальность показывает, что объективность есть, но другая. Само словосочетание «объективно верно» может трактоваться различно: либо как объективность в соблюдении правил, либо как соответствие реально существующим объектам. Допустим, вы считаете, что математические утверждения правильны, когда они выводятся из общепринятых аксиом. Тогда математика в одном смысле не объективна (нет речи о существовании чисел), а в другом смысле вполне себе объектив-

на (согласуется с принятыми аксиомами и правилами вывода). Не объективна, потому что ничто в реальности не может использоваться для проверки истинности, кроме принятых аксиом, которые могут быть выбраны произвольно, но при этом полезны в практическом отношении. Например, Хартри Филд [Field, 1989] именно так и определяет истинность утверждений для математических теорий.

Другой пример. Допустим, мы считаем верным, что автомобилей в мире больше миллиона штук и что имеется больше миллиона простых чисел. Последнее истинно из-за того, что оно вытекает из принятых нами утверждений (аксиом), а первое не зависит от принятых нами по соглашению утверждений, зависит от положения дел в мире. Достаточно верить в возможности дедукции и принимать аксиомы Пеано, чтобы считать математические утверждения объективно истинными в силу выводимости теорем из аксиом. И вот здесь опять возникает затруднение. Дело в том, что иногда стандарты приемлемости обоснования можно согласовать. В этом, как представляется, и состоит проблема, на которую указал Геттиер [Gettier, 1963]. Когда невозможно или трудно отличить картину от реальности по каким-то причинам, то лучше верить, что перед нами реальный объект, и знание о его существовании считать обоснованным. Когда суждение о наличии объекта не подтверждается опытным путем, а лишь принимается по каким-либо причинам, то стандарт объективности ослабляется и заключается только в правильности умозаключения из принятого по соглашению описания исходной ситуации. Эти два стандарта можно различить как сильную и слабую, реальную и гипотетическую (формальную) объективность. В принципе есть философы, например Г. Файхингер, которые утверждают, что такая слабая объективность составляет сущность человеческого существования, так как сущность человека состоит в том, что он в мире культуры, следуя правилу «как будто это так» [Vaihinger, 1935], и книга его называется соответствующим образом «Философия как если бы так».

В любом случае философия «реальной» науки, вытекающая из онтологической теории Куайна, не описывает роли онтологических представлений в практике общения людей, и ее необходимо расширить за счет представлений о символической жизни культуры, включая символизм и культурную значимость научных теорий.

Список литературы / References

- Гудмен Н.** Способы создания миров. М.: Идея-пресс – Праксис, 2001.
Goodman N. Sposoby sozdaniya mirov [Ways of world making]. Moscow, Idea Press – Praxis, 2001. (in Russ.)
- Ленин В. И.** К вопросу о диалектике // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1969. Т. 29: Философские тетради. С. 316–322.
Lenin V. I. K voprosu o dialektike [To the question of dialectics]. In: Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenii [Collected Works]. 5th ed. Moscow, Politizdat, 1969, vol. 29: Philosophical notebooks, p. 316–322. (in Russ.)
- Armstrong D.** A World of States of Affairs. Cambridge UP, 1997.

- Davidson D.** Truth and meaning. In: *Inquires into Truth and Interpretation*. Oxford UP, 1984.
- Field H.** Realism, Mathematics and Modality. Blackwell, 1989.
- Fodor J.** Psychosemantics. MIT Press, 1987.
- Gettier E.** Is Justified True Belief Knowledge? *Analysis*, 1963, vol. 23, p. 121–123.
- Lewis D.** On the Plurality of Worlds. Basil Blackwell, 1986.
- Quine W.** On what there is. In: *From a Logical Point of View*. Harvard UP, 1980.
- Vaihinger H.** The Philosophy of 'As if'. A System of the Theoretical, Practical and Religious Fictions of Mankind. London, 1935.
- Wittgenstein L.** Tractatus Logico-Philosophicus. London, Kegan Paul, 1922.
- Yablo S.** Does ontology rest on a mistake? *Proceedings of the Aristotelian Society Supp.*, 1998, vol. 72, p. 229–261.

Материал поступил в редколлегию

Received

23.12.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Карпович Валентин Никонович, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Valentin N. Karpovich, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

kkvnn@gmail.com